

Знак Николаевской академии Генерального штаба на форме Красной Армии

Андрей ГАНИН

Рабоче-крестьянская Красная армия возникла не на пустом месте. В основе её впечатляющих успехов в Гражданскую войну 1917–1922 гг. и позднее лежали знания и опыт десятков тысяч офицеров Российской императорской армии, в том числе сотен офицеров Генерального штаба, обладавших академическим образованием и представлявших собой военную элиту дореволюционной России и подлинную интеллектуальную элиту старой армии¹. Свои качества интеллектуальной элиты военспецы-генштабисты сохранили и в РККА, что в определённой степени поощрялось военно-политическим руководством страны.

Можно понять естественную тягу бывших офицеров-генштабистов к сохранению привычных дореволюционных корпоративных традиций и в РККА. Делать это было непросто, поскольку официально традиционализм и корпоративизм не поощрялись. Впрочем, официальный курс был не всегда последовательным. Одним из внешних проявлений этого стало, например, введение в РККА особой формы одежды для генштабистов, основанной как раз на дореволюционных элементах².

И.И. Вацетис. 1918 г.

А.Е. Снесарев. 1920-е гг.

И.Д. Чинтулов. 1917-1918 г.

Все фото из: *Ганин А.В. Корпус офицеров Генерального штаба в годы Гражданской войны 1917–1922 гг.: Справочные материалы. М., 2009.*

Нагрудный знак выпускника Николаевской академии Генерального штаба, установленный 14 июня 1866 г.
Частная коллекция

Сами генштабисты проявляли приверженность традициям в униформе и знаках отличия разными способами. Маршал Советского Союза С.М. Будённый вспоминал о своей первой встрече с военным руководителем Северо-Кавказского военного округа А.Е. Снесаревым летом 1918 г.:

«Вместе с членом Реввоенсовета 10-й Красной армии И.В. Сталиным Андрей Евгеньевич (Снесарев. — А.Г.) приехал на учас-

ток 37-й стрелковой дивизии... Когда нас, группу командиров, представили А.Е. Снесареву, я увидел высокого пожилого человека с безукоризненной военной выправкой, в полной форме генерал-лейтенанта старой русской армии. Меня, как и других, прежде всего удивило, почему Снесарев в генеральских погонах: ведь красноармейцы относились к “золотопогонникам” с неприкрытой враждой, и носить погоны было небезопасно. Кто-то

Штаб 16-й армии. Июнь – июль 1919 г.

Научный архив Института российской истории РАН ★

Сидят слева направо: Н.М. Вельгорский, неизвестный, В.Л. Баранович, командующий армией А.В. Новиков, А.А. Токарев, начальник штаба армии В.В. Сергеев (с академическим знаком), Е.А. Рожественская, начальник оперативного отделения штаба армии М.А. Дулов, заведующий разведкой В.Е. Крохалев. Стоят слева направо: интендант Дмитриев, заведующий связью П.С. Волковский, Е.И. Белявский, В.А. Мячков, неизвестный, М.В. Логинов, Иванов, Матвеев, Г.В. Калиновский, Вознесенский, Б.П. Добротворский, П.О. Пуссуль, В.П. Усачев, Н.П. Гвоздев, помощник начальника оперативного отделения штаба армии Н.Е. Варфоломеев

Группа командиров РККА (возможно, комсостав 1-й Кавказской стрелковой дивизии или 9-го стрелкового корпуса). 1922–1923 гг.

Научный архив Института российской истории РАН ★

3-й слева во втором ряду — М.Д. Великанов. Крайний слева в верхнем ряду — неизвестный военспец с академическим знаком

Местный ревком и штаб 4-й стрелковой дивизии после польской кампании (Борисов / Рогачев). Не ранее 1922 г. Научный архив Института российской истории РАН ★

Сидят внизу: комиссар штаба дивизии И. Бриль, начальник штаба дивизии Н.А. Шумович, неизвестный. Сидят слева направо: начдив А.Д. Тарановский, председатель ревкома А.А. Хацкевич, военный комиссар дивизии И.А. Михаленко (третий справа), заместитель начальника инженеров дивизии Готлиб, известный командир полка. Стоят: начальник разведки Кострихин, помощник начальника разведки Котин (?)

даже сказал ему об этом. Андрей Евгеньевич ответил: «Погоны — знак военных заслуг перед Отечеством. К тому же меня никто не разжаловал». Потом мы видели его уже без погон»³.

В дальнейшем Снесарев, однако, не отказался от демонстрации своей приверженности тем же принципам, но в несколько иной форме.

Ношение погон военспецом РККА само по себе могло быть опасным для жизни и здоровья с учётом неприязненного отношения рядовой массы к царским офицерам. Командованием и чекистами подобные действия могли обоснованно расцениваться как демонстрация контрреволюционности. Наконец, в боевой обстановке человека в погонах могли попросту принять за белого и застрелить.

Намного более распространёнными стали иные способы демонстрации военспецами-генштабистами приверженности кор-

поративным традициям, а заодно своей принадлежности к Генеральному штабу. В условиях отмены прежней формы одежды самым простым и очевидным путём продемонстрировать свой корпоративизм и образовательный уровень, не подвергая опасности жизнь и здоровье и не вызывая подозрений особистов, стало ношение на френчах и гимнастёрках академического знака Николаевской академии Генерального штаба (Императорской Николаевской военной академии).

Следует отметить, что это явление не могло поощряться в РККА, поскольку подчёркивало обособленность, кастовость части командного состава. Тем не менее каких-либо документальных свидетельств о серьёзной борьбе с ним обнаружить не удалось. Возможно, на фоне массы других проблем, с которыми сталкивалась РККА, такие проявления казались безобидными мелочами. Более того, в августе 1920 г. в РККА даже обсуждалась возможность разработки собственного знака Генерального штаба⁴. Тем не менее академический знак с императорским двуглавым орлом на правой стороне груди и знак красного командира с красной звездой на левой (или же значок-кокарда в виде красной звезды на фуражке) выглядят как малосовместимые элементы старого и нового.

Коль скоро армейское начальство сквозь пальцы смотрело на ношение академических знаков и даже само обсуждало возможность введения их аналога в Красной армии, военспецы считали возможным

носить эти знаки своей принадлежности к образованной корпорации. Тем не менее демонстративное ношение императорского орла с коронами не могло не представлять собой форму определённого фрондирования порядков в РККА и в советской России, требовало смелости у тех немногих военспецов, кто считал подобную демонстрацию для себя возможной. Вполне естественно, широкого распространения ношение знаков не получило, но до нас дошли несколько фотоснимков, свидетельствующих о бытовании этой практики.

Г.И. Теодори в тюремном заключении. 1919 г. Журнал «Родина»

Судя по выявленным нами фотографиям, на советской военной форме академические знаки носили главком И.И. Вацетис, начальник штаба 16-й армии В.В. Сергеев, начальник Академии Генштаба РККА А.Е. Снесарев, начальник 4-й стрелковой дивизии А.Д. Тарановский, консультант Полевого штаба Реввоенсовета Республики Г.И. Теодори, консультант оперативного отдела наркомата по военным делам И.Д. Чинтулов (он одновременно носил и орден Св. Георгия 4-й ст.) и неустановленный военспец из окружения М.Д. Великанова. Участник мирных переговоров в Брест-Литовске Д.Г. Фокке носил академический знак, судя по всему, уже после увольнения из Красной армии.

Все обнаруженные фотографии в основном относятся к периоду 1918–1923 гг. Наличие знаков старой военной академии на мундирах советских военспецов наглядно демонстрирует преемственность и взаимосвязь старой армии и РККА, представляет собой элемент самоидентификации бывших офицеров в советских условиях. □

Автор выражает благодарность директору Института российской истории РАН д.и.н. Ю.А. Петрову и заведующему научным архивом института к.и.н. К.С. Дроздову за предоставленные фотоматериалы.

¹ Подробнее о военспец-генштабистах РККА см. наши работы: Ганин А.В. Корпус офицеров Генерального штаба в годы Гражданской войны 1917–1922 гг.: Справочные материалы. М., 2009; Он же. «Мозг армии» в период «Русской Смуты»: Статьи и документы. М., 2013 и др.

² Подробнее см.: Степанов А. Красные генштабисты. 1920–1922 // Старый Цейхгауз. 2010. №6 (38). С. 53–63; Он же. Наградные знаки РККА. 1918–1924. М., 2011. С. 35–37, 50–51, 57, 59.

³ Будённый С.М. Слово о старшем друге // Андрей Евгеньевич Снесарев. Жизнь и научная деятельность. М., 1973. С. 5.

⁴ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 68. Л. 17.

Публикация подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда в рамках проекта №11-31-00350а2 «Военная элита в годы Гражданской войны 1917–1922 гг.».

НАГРУДНЫЙ ЗНАК ПШИБРАМСКОГО СОЮЗА РУССКИХ ГОРНЫХ ИНЖЕНЕРОВ В ЧЕХОСЛОВАКИИ

Никита КУЗНЕЦОВ

После окончания Гражданской войны перед чинами белых армий, оказавшимися в эмиграции, остро встала проблема адаптации в странах, давших им приют. Сложность этого процесса состояла не только в том, что бывшим военнослужащим пришлось устраивать свою жизнь, став гражданами других государств или вовсе не имея гражданства, но также и в необходимости осваивать мирные профессии. Между тем для многих представителей русского зарубежья участие в боевых действиях началось ещё в годы Первой мировой войны, а завершилось лишь с окончанием войны Гражданской. Важнейшей формой самоорганизации эмигрантов стало создание различных союзов и обществ, организованных как по принципу принадлежности к какой-либо воинской части, так и по профессиональным признакам.

К последним относятся многочисленные студенческие организации русского зарубежья, значительное количество которых существовало на территории Чехословацкой республики, которая являлась одним из основных, наиболее значительных центров студенчества российской эмиграции 1920–1930-х гг.¹ Одним из подобных объединений стал Пшибрамский союз русских горных инженеров.

Союз русских студентов в Пшибраме* (так первоначально называлась организация) был основан 16 ноября 1921 г. 10 января 1927 г. приказом генерала П.Н. Врангеля №1014 он был включён в состав Русского общевоинского союза (РОВСа)² — крупнейшего объединения русского военного зарубежья. Первоначально союз был единственной русской организацией в Пшибраме, и в него входили не только русские студенты, но и казаки и практически все желавшие того эмигранты. Большинство его членов принимали участие в Гражданской войне. «Не обычными студентами со скамьи средней школы пришли Вы в высшую школу Пшибрамскую, но уже отдавшие часть своей жизни и крови за свою страдальцу — Ро-

дину, пришли израненные с пробитыми головами», — отметил видный деятель русской эмиграции в Чехословакии архимандрит отец Исаакий (Виноградов) на праздничном обеде по случаю 15-летия союза³.

Одной из важных задач союза была выплата стипендий (из средств американского фонда «Международной студенческой помощи»), позволявших эмигрантам полу-

чать образование. С течением времени союзу не удалось избежать типичного для многих эмигрантских и не только организаций явления — внутренних конфликтов. Первоначально из его состава вышли представители казачества, затем произошла борьба между студенческими группами (в частности, отчисленными из союза).

Характеризуя деятельность союза за 15 лет, его председатель К.Н. Малюшицкий отмечал, что «никогда не был профессиональной организацией, с первых же лет своего существования Союз стремился к превращению в замкнутую тесно сплоченную корпоративную организацию, способную пусть в малом, но постоянно и без компромиссов проводить в жизнь принцип служения русской национальной идее, началам религиозно нравственным и национально-государственным».

Вид г. Пшибрама. Фото 1947 г.

* Пшибрам — современное русское написание **Пшибрам (Příbram)** — город в Средней Чехии, старинный центр горнорудной промышленности. В Пшибраме были расположены центральные горные учреждения и горная академия. — Прим. ред.